

*Тиме, Васе, Кузе, Лёлику, Васё, Мурзику,
Боне, Тосе, Уме и, конечно, Чазику.
Пусть у каждого котика на этой планете
будет свой Лоскутный дом.*

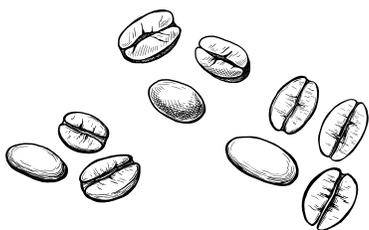
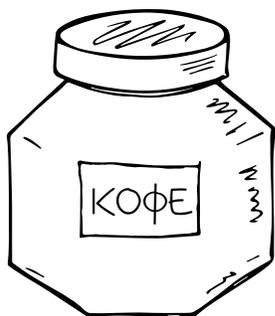

ВПЕРВЫЕ ЗА СТО СОРОК СЕМЬ ЛЕТ

Каждое утро в восемь ноль-ноль Дедушка заводил часы. Усталый маятник принимался болтаться из стороны в сторону, стрелки бежали вперёд, и Лоскутный дом просыпался от запаха кофе. Всё это продолжалось долгие сто сорок семь лет. Гроза, зной, заморозки посреди лета — ничто не могло нарушить установленного порядка. Но сегодня, ровно за неделю до Первого снега,

Хранительница зимы и тыквенный пирог

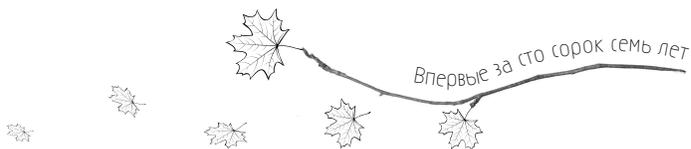

тиканье смолкло, ходики встали, а банка с кофе оказалась пуста.

Одиннадцатилетняя Ива целую минуту наслаждалась тишиной, а потом пошла в кладовую, достала с верхней полки дедушкин сундук с инструментами, нашла в нём отвёртку и один за другим выкрутила из часов все винтики. Признаться, раньше её раздражало мерное тиканье. Несоразмерно громкое, временами с жужжанием, оно мешало сосредоточиться на и без того мудрёных дедушкиных задачках: «Сколько нужно снежинок для пятидесятиметровой тропинки в берёзовом лесу?» или «С какой скоростью должен дуть ветер, чтобы за час укрыть снегом булочную мистера Фондана?».

За тонкой крышкой корпуса вопреки ожиданиям девочки всё это время бухтел не ворчливый гном,

а работал сложный механизм. Сердце часов состояло из шестерёнок. Все они были разного размера и переплетались причудливым образом. Маленькая шестерёнка легко могла цепляться за большую, а гигантская — за крошечную. Ива прокрутила одну на четверть круга. Механизм пришёл в движение, но стоило девочке убрать руку, как он замер.

— Может, смазать? — вслух подумала Ива и отправилась на кухню.

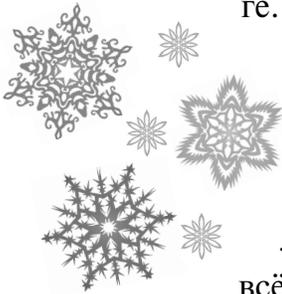
Там во всю стену громоздился шкаф с сотней выдвижных ящиков. Каждый украшала особенная ручка: пружина, выгнутый скрипичный ключ из проволоки, деревянный шар с цифрой «3», малахитовый квадрат на серебряной ножке... Ива не помнила, где именно лежит масло, поэтому стала открывать все по очереди.

Из ближайшего (того, что с малахитом) повеяло холодом. Ива заглянула внутрь и увидела бархатный мешочек красного цвета. Внутри оказалась горсть тыквенных семечек. В следующем ящике стояла корзинка с дряблой морковкой. За ним был ящик с грецкими орехами, ящик с пожухшими томатами, ящик с банкой солёных огурцов...

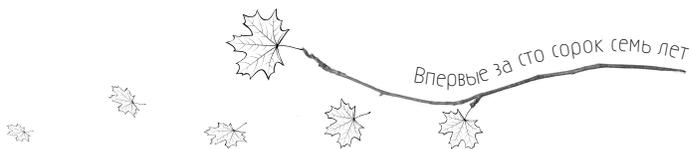

Закончив с первым десятком, Ива сдула чёлку со лба и решила, что масла можно попросить у соседей. Дедушка так делал, когда на улице случалась непогода или когда жаркбе вовсю булькало, срочно требуя чеснока... Вот только Иве совсем не хотелось обращаться за помощью к лучшей подруге. Берта ещё подумает, что Ива сама не справляется, что она ещё маленькая, что Дедушка зря доверил ей такую важную работу... Ну уж нет! Ива — новая проводница зимы в Моствилле! Она знает, что нужно делать. У неё всё под контролем!..

Окно кухни как раз выходило на внутренний дворик дома Молей. Ива чуть отодвинула штору. В кустах смородины мелькнула знакомая жёлтая куртка. Через секунду оттуда же показалась фиолетовая беретка, из-под которой выбивались рыжие кудряшки. Мгновение — и Берта вновь исчезла. Кусты недовольно зашуршали листьями. Несмотря на конец ноября, они до сих пор не пожелтели и не облетели...

Ива накинула куртку, схватила шарф и побежала на улицу. В любую секунду Берта могла вернуться в дом — и тогда прощайте часы. При ней Ива бы не

отважилась попросить масла — слишком стыдно. Над городом висели серые облака, но за три недели они так и не пролились дождём. На крыльце Ива споткнулась о гору писем. Почтовый ящик давно был доверху забит, и горожане складывали свои жалобы стопками на ступеньках. Письма с шорохом разлетелись, а Ива со всех ног промчалась по дорожке к забору Молей. Она ловко перепрыгнула фиолетового калиткуса — стража ворот, похожего на короткий вязаный шарф с белой бахромой-хвостами, — и ринулась к двери. Тук! Тук! Тук!

— Иду, уже иду! — послышался голос миссис Моль.

— Здравствуйте, нет ли у вас сливочного масла? — затараторила Ива, едва замо́к щёлкнул. — Мне совсем немного. Только часы смазать...

— Часы? — миссис Моль закуталась в шаль и втянула голову в плечи. — Неужели те самые?

Ива понизила голос, чтобы никто не подслушал:

— Сегодня... Проснулась, а они не идут...

— Надо сообщить госпоже Замкус, — решила миссис Моль. — Пусть сама займётся Первым снегом. Не дело, когда за день Перехода отвечает всего лишь одна маленькая девочка. Ты даже с осенью не справилась, а ведь известно, что золотая

осень — залог снежной зимы! — Она наклонилась к Иве и зашептала: — Люди волнуются... Миссис Ворчль говорит, так мы и в следующем году останемся без урожая! Ты же знаешь, как быстро слова миссис Ворчль облетают окрестности!

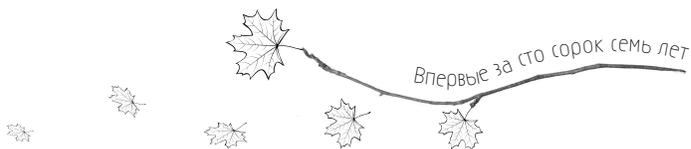
— Я со всем разберусь, — пообещала Ива. — У меня всё под контролем. Просто дайте мне кусочек масла. Пожалуйста...

Миссис Моль несколько секунд молчала. Она знала, что у горожан много вопросов и ещё больше страхов. Они сомневаются в способностях Ивы, а потому любая сложность, которая у неё возникнет, станет для них поводом к панике. Решение далось миссис Моль непросто.

— Хорошо, — наконец согласилась она. — Но никому не говори о часах... Будь моя воля — зимой бы уже давно заведовала госпожа Замкус. Ладно... Сейчас принесу. Можешь пока с Бертой поболтать. Она во дворе.

— Я здесь подожду, — ответила Ива и с улыбкой добавила: — Спешу починить часы.

Миссис Моль повернулась на каблуках и прикрыла за собой дверь, а Ива упёрлась руками в колени и шумно выдохнула. Притворная улыбка исчезла.

— Ты чего это? — раздалось за спиной.

Ива вздрогнула. Голос она узнала и теперь из всех сил старалась придумать, как всё объяснить.

— Тебе что, плохо? — Берта вышла из-за яблони и с волнением оглядела подругу. — Живот болит?

Ива повернулась и заметила, что на щеках у Берты царапинки от веток, к беретке прилип смородиновый листок, а в руках она почему-то держала детскую розовую лопатку.

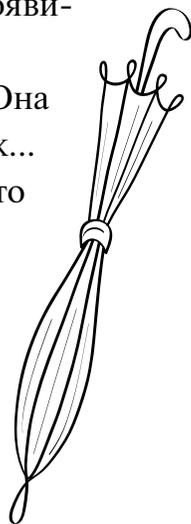
— У меня масло для бутербродов закончилось... — соврала Ива.

— Ты же на прошлой неделе покупала три брусочка, — прищурилась Берта.

К счастью, в этот момент на пороге появилась миссис Моль.

— Я ещё растительного положила. — Она протянула Иве бумажный пакет. — Что ж... Если понадобится помощь, ты знаешь, что делать.

Солнце выглянуло в облачную прореху, пощекотало верхушку яблони и снова спряталось. Ива крепко сжала бумажный пакет и зашагала по мощёной дорожке.

— Калиткус тебя не пропустит, — крикнула ей Берта. — Дважды он маху не даст.

— Ты меня видела? — удивилась Ива. — Как? Ты же в смородине копалась...

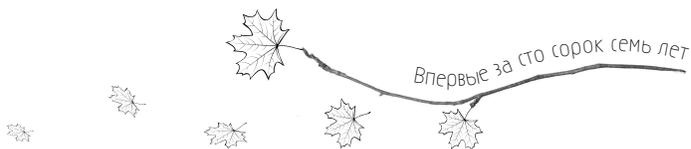
— У меня глаза и уши по всему городу, ты что, не знала? — Берта подошла к забору.

Калиткус обвился вокруг доски и задремал. Конечно, так только казалось... На самом деле калиткус никогда не спал, если рядом бродили люди, а так как он жил на заборе, люди бродили рядом всегда. Берта вытянула руку ладошкой вверх и слегка коснулась полосатых хвостов. Их у калиткуса было двадцать семь. От прикосновения Берты грозный страж ворот замурчал, как самый обычный кот.

— Не знала, что он так умеет, — Ива подошла поближе и выглянула из-за плеча Берты. — А зачем тебе лопатка?

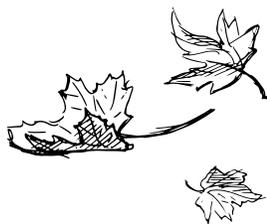
— А зачем тебе масло? — Берта взяла разнежившегося калиткуса на руки и отодвинула щеколду.

Деревянная калитка скрипнула и медленно отворилась. Теперь Ива могла спокойно вернуться домой, не рискуя при этом быть укушенной. Она сделала шаг вперёд, но остановилась, заметив ботинки подруги. Когда-то они были белыми

с фиолетовой подошвой. Теперь же походили на дедушкины галоши: от носка до пятки коричневые, с пучками налипшей травы вместо шнурков. Дедушка надевал галоши, когда по тайным тропинкам отправлялся в чащу леса будить Озимуса. Дорога до его норы была зыбкая, слякотная. Берта же свои ботинки любила и без большой, даже большущей необходимости не стала бы их так пачкать. Что же случилось?

— С друзьями и радость, и злость — всё пополам? — спросила Берта. — Ну, а раз так, то и тайны тоже! Выкладывай уже, что стряслось. Или я тебе не подруга?

МАСЛО В ДЕЛО

Придумать отговорку не получилось. Пришлось Иве вести Берту в Лоскутный дом и рассказать о часах. О том, как они сто сорок семь лет исправно махали маятником, а хмурым утром ноябрьской среды взяли и остановились.

— Как будто у меня других забот нет, — пожаловалась Ива, смазывая механизм сливочным маслом. — Я уверена: это они из вредности...

— Тебе же самой их тиканье не нравилось, — Берта подцепила ногтем шестерёнку и стала её раз-

глядывать. — Так чего же теперь расстраиваться? Повесь вместо них ковёр или картину какую. Хотя бы ту, с островом... Которая у тебя в шкафу валяется.

— Не валяется, а лежит. — Ива забрала у подруги бесценную деталь и положила её на место.

— Красивая же, — зевнула Берта. — Так не лучше ли ей висеть на видном месте?

Картину, о которой шла речь, Ива однажды увидела на воскресной ярмарке. Приезжий торговец продавал разные диковинки. На его прилавке отливали серебром лунные канделябры, выюжились снежные шары, искрился новогодний дождик, а в самом уголке палатки из-за стопки празд-

